

А.Г. ДРУЖИНИН, О.В. КУЗНЕЦОВА

ЮЖНЫЙ ВЕКТОР В ПРОСТРАНСТВЕННОМ РАЗВИТИИ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Современные геополитические и геоэкономические процессы сопровождаются кардинальной трансформацией детерминант и трендов пространственной организации российского общества, инициируя пересмотр сложившейся ранее системы региональных балансов и приоритетов, подчас осмысливаемых и обсуждаемых как географически ориентированные (в логике румбового подхода) векторы развития страны. Статья посвящена южному вектору, его динамике, а также многоаспектным факторам и проявлениям, характерным для постсоветского периода. Идентифицированы геополитические (в т.ч. этнополитические) и внешнеэкономические (транспортно-логистические и агропромышленные) предпосылки роста значимости для Российской Федерации территорий ее юга (Юга России). Раскрыт масштаб и оценены конкретные территориальные эффекты (и проблемы) трендового смещения демографического и отчасти экономического потенциала в пользу южных регионов страны (фактически трех десятков крупнейших южнороссийских городов и формируемых на их основе агломераций). Акцентируется устойчиво сохраняющаяся значимость южного вектора в системе федерального регулирования (с эстафетой сфокусированных приоритетов: Чеченская Республика – Краснодарский край – субъекты Крыма – новые регионы Российской Федерации).

Ключевые слова: пространственное развитие, южный вектор, геополитика, геоэкономика, демографические процессы, Юг России, федеральная пространственная политика.

JEL: J11, R12, R53, R58

Масштаб российской территории, дополняемый ее природно-ресурсным, этнокультурным и хозяйственно-селитебным разнообразием, а также сложным и по большинству направлений проблемным геополитическим «многососедством» [1], придает проблематике пространственного развития *ключевой стратегический характер*, выдвигая вопросы балансировки социально-экономических возможностей и интересов не только отдельных субъектов Российской Федерации, но и их макро-региональных группировок в число постоянных и безусловных приоритетов обеспечения национальной безопасности.

В утвержденном в 2019 г. основополагающем профильном федеральном нормативном документе¹ в качестве основной цели обозначено «устойчивое и сбалансированное пространственное развитие Российской Федерации». Ныне в условиях глобальной турбулентности и неизбежного в контексте резко возросшего противостояния в системе «Россия – Запад» переформатирования межрегиональных хозяйственных пропорций возможности для подобного рода устойчивости минимизируются, а сбалансированность (в рамках фундаментальной коррекции территориальных приоритетов социально-экономического развития) оказывается все более дефицитной и критически необходимой.

Постановка проблемы

С начала 2010-х гг. в ориентированном на пространственную тематику российском междисциплинарном дискурсе активно продвигается идея «поворота на Восток» [2], обосновывается восточный вектор региональной [3], инвестиционной [4], демографической [5], энергетической [6] и иного рода политики. В логике реакции на климатические изменения, а также нарастающего геополитического соперничества и глобального дефицита базовых энергетических ресурсов параллельно вновь активизировался интерес к освоению северных (арктических) территорий и акваторий страны [7]. Практически весь постсоветский период (вплоть до рубежного 2022 г.) экономическая система России демонстрировала и выраженную «европоориентированность» [8; 9]. В этой фактической многовекторности пространственного развития (соответствующей «румбовому мышлению» [10]) неизменно присутствует и достаточно ощутимая (ранее уже акцентированная [11–14] и в первом приближении концептуализированная [15]) южная составляющая.

Данная статья являет попытку предложить *системное видение южного вектора* в пространственном развитии постсоветской России, выявить его динамику, а также важнейшие факторы и проявления, в т.ч. в контексте реализуемой федеральной политики. Решение данной задачи опиралось на ряд исходных позиций:

- во-первых, на признание условности и соотносительности (географической и исторической) феномена Юга и южности [16]. Юг при этом одновременно может восприниматься и как совокупность территорий, внешних по отношению к собственно России (например, современный «геоэкономический Юг» [17], «евразийский юг» [9]), и как ее неотъемлемая составная часть, причем для нашей страны (с XV в. «москвоцентричной») в любых ситуациях это нечто обязательным образом локализованное южнее основного экономического и политического ядра страны;

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года».

- во-вторых, на понимание, что в русле пролонгированной политико-географической и территориально-хозяйственной динамики российский внутренний Юг эволюционирует (в т.ч. мигрирует), видоизменяя и усложняя свою структуру. Если для Московского княжества это линия «Серпухов – Коломна», то для Российского государства XV – начала XVII вв. – полоса от р. Ока до Дикого поля; в последующем столетии – территории современного Черноземья, Дона и Нижнего Поволжья (что нашло воплощение и в первых отечественных схемах экономического районирования [18]), а в дальнейшем – Новороссия и Кавказ. С конца 1990-х гг. постсоветские геополитические изменения позволили вновь скорректировать контур нашего Юга, концептуализируя его в качестве особого макрорегиона Российской Федерации – «Юга России» [19]). Именно так называлась утвержденная российским Правительством в 2001 г. федеральная целевая программа² для регионов Южного федерального округа (ФО) в первоначальных его границах. В настоящее время Югом России можно считать субъекты Федерации Южного ФО в нынешних его границах (включая регионы Крыма), выделенного из него в 2010 г. Северо-Кавказского ФО, а также вошедшие в состав России осенью 2022 г. четыре новых субъекта Российской Федерации;
- в-третьих, исходным моментом анализа является рассмотрение любого рода векторов пространственного развития (включая и собственно южный) именно как долгосрочной сфокусированной локализации активности, возможностей и интересов (социально-экономических и геополитических). С учетом этого Юг России, его пространственные рубежи и в целом селитебная и хозяйственная структура могут одновременно восприниматься и как итог последовательной череды периодов актуализации (и активизации) южного вектора, и как вполне конкретный (здесь и сейчас) ареал его проявления, что, в свою очередь, позволяет идентифицировать сам вектор прежде всего как позиции и приоритетность очерчиваемой и конструируемой им территории во всей многоаспектной пространственной динамике страны (в т.ч. связанной с федеральными решениями, с их эффектами).

***Южный вектор как компенсаторная реакция
на постсоветский трансформационный спад, периферизацию,
приграничный статус территорий и рост этнополитической
нестабильности***

Постсоветский поворот России к ее внутреннему Югу (а именно этому процессу посвящено основное содержание статьи), проявившись не сразу, по основным своим аспектам с разной мерой интенсивности

² Постановление Правительства РФ от 08.08.2021 г. № 581 «О федеральной целевой программе «Юг России».

стал итогом как глобальных процессов и вовлечения в них российских пространств, так и подчас сопряженных с ними внутривосточных и даже сугубо региональных обстоятельств.

Первое постсоветское десятилетие сопровождалось масштабной, превышающей среднероссийский тренд, деградацией хозяйственного потенциала южнороссийских территорий, в первую очередь в связи с их деиндустриализацией. За 1992–1998 гг. численность занятых в экономике 13 субъектов Российской Федерации (далее – субъекты РФ) (с мая 2000 г. сведенных в Южный федеральный округ) сократилась на 25% (по стране в целом – на 18%). При этом, если в 1990 г. среднедушевые доходы населения северокавказских республик составляли 60–75% от среднего по России уровня, то к середине 1990-х гг. они сократились до 25–50%. Устойчиво прирастала численность безработных (в целом за 1992–1999 гг. – в 2,9 раза, что оказалось эквивалентно 18,4% экономически активного населения, причем в Дагестане аналогичный показатель к рубежу 2000-х гг. достиг 28%). На этом фоне снижалось (если учитывать статистику ВРП – *таблица 1*) и общее присутствие Юга в российской экономике.

Т а б л и ц а 1

Доля южнороссийских регионов в суммарном ВРП России (без субъектов РФ Крыма)^{)}, %*

Субъекты РФ	1995	2000	2005	2010	2015	2019	2020	2021
Республика Адыгея	0,13	0,10	0,09	0,13	0,13	0,14	0,15	0,14
Республика Калмыкия	0,06	0,11	0,05	0,06	0,08	0,09	0,10	0,08
Краснодарский край	2,20	2,38	2,07	2,73	2,95	2,73	2,85	2,66
Астраханская область	0,41	0,49	0,39	0,38	0,49	0,64	0,56	0,55
Волгоградская область	1,39	1,11	1,13	1,15	1,13	1,02	1,04	0,87
Ростовская область	1,87	1,55	1,46	1,75	1,82	1,73	1,83	1,67
Республика Дагестан	0,29	0,36	0,50	0,73	0,87	0,76	0,79	0,68
Республика Ингушетия	0,04	0,05	0,04	0,05	0,08	0,08	0,08	0,06
Кабардино-Балкарская Республика	0,19	0,24	0,20	0,20	0,18	0,18	0,19	0,17
Карачаево-Черкесская Республика	0,12	0,09	0,09	0,12	0,10	0,10	0,10	0,09
РСО-Алания	0,17	0,15	0,17	0,20	0,19	0,18	0,19	0,17
Чеченская Республика	–	–	0,13	0,19	0,24	0,26	0,27	0,22
Ставропольский край	1,29	0,93	0,81	0,88	0,95	0,88	0,90	0,85
Итого по 13 субъектам РФ	8,16	7,56	7,14	8,57	9,22	8,78	9,05	8,21

Источник: составлено авторами по данным Росстата.

^{*)} Здесь и далее, если указано «без субъектов РФ Крыма», то данные по Республике Крым и г. Севастополю не учитывались в общероссийском показателе (для корректных оценок изменения роли 13 «старых» субъектов РФ).

Ситуация усугублялась превращением юго-восточного макрорегиона в основной (в общероссийском масштабе) ареал проявившихся межэтнических конфликтов и военно-силового противостояния (осетино-ингушский кризис 1992 г., первая чеченская война, актуализированная тема репрессированных народов и др. [20; 21]). Компенсаторной реакцией на данные события (равно как и сопутствующие геополитические риски, мультиплицируемые приграничным статусом 11 южнороссийских субъектов, а также осязаемой дерусификацией этнической структуры всех национальных республик [22]) стала разработка (в 1996–1998 гг.) и реализация (из-за хронического недофинансирования в основном в усеченном объеме [23]) целой череды федеральных целевых программ (по Чеченской республике, Северной Осетии – Алании, Калмыкии, Дагестану и другим территориям; характерно, что из 20 утвержденных в 1993–2001 гг. в России регионально-ориентированных федеральных целевых программ на южнороссийские субъекты были нацелены 16 [23]). Все эти начальные проявления поворота постсоветской России к ее Югу в условиях регионализации и попыток выстраивания отношений федерализма (не всегда эффективных и соответствующих реалиям страны [24]) были инициированы именно *необходимостью купирования острых проблемных ситуаций в регионах*, однозначно классифицируемых в тот период как экономически депрессивные и отсталые [25]. Постепенно усиливалась, впрочем, и сугубо хозяйственная, геоэкономическая мотивация активизации внутривосточного южного вектора.

Геоэкономические и природно-хозяйственные детерминанты южного вектора пространственного развития Российской Федерации

Углубляющаяся (и интенсивно наращиваемая в первой половине 2000-х гг.) ресурсно-сырьевая специализация российской экономики резко повысила транзитно-коммуникационную ценность южнороссийских территорий, чему благоприятствовал в т.ч. ввод в эксплуатацию в 2001 г. нитки пересекающего Юг России нефтепровода Каспийского трубопроводного консорциума. В результате при четко сохраняющейся нефтеналивной ориентации (до середины 2000-х гг. через Причерноморье проходила половина всех отгружаемых через российские морские порты наливных грузов; затем к 2010 г. данный показатель снизился до 33%, оставаясь на этом уровне и поныне) суммарный грузооборот российских морских портов Азово-Черноморского бассейна только за 1998–2005 гг. вырос в 2,3 раза, демонстрируя далее (в усложнившейся конъюнктуре и условиях волатильности после глобального кризиса 2008 г.) устойчивую тенденцию к росту в среднем на 5–6% в год, что не менее чем на процентный пункт превышало общую по стране динамику (см. табл. 2).

Возрастало и газотранспортное значение Юга России. В 1997–2002 гг. в этом макрорегионе (в т.ч. непосредственно в черноморской акватории) был реализован другой транзитный мегапроект – «Голубой поток», чьи возможности в дальнейшем оказались дополнены «Турецким потоком» (2017–2019 гг.). Суммарная мощность этих подводных сооружений со-

ставила 47,5 млрд м³ в год, что по ситуации на 2021 г. достигало 30% от совокупного морского газотранспортного потенциала ПАО «Газпром» и могло обеспечить 22% всего фактического объема его экспортных поставок (после диверсии на ветках «Северного потока» приоритетность данного направления многократно возросла).

Т а б л и ц а 2

Распределение грузооборота морских портов России по бассейнам в 2013–2022 гг., %

Бассейны	Ед. изм.	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Азово-Черноморский	Млн т	174,4	194,5	232,9	244,0	269,5	272,2	258,1	252,0	256,8	263,6
	%	29,6	31,2	34,4	33,8	34,2	33,3	30,7	30,7	30,7	31,3
Каспийский	Млн т	7,8	7,9	6,7	6,1	3,9	4,8	7,4	8,1	7,0	6,0
	%	1,3	1,3	1,0	0,8	0,5	0,6	0,9	1,0	0,8	0,7
Россия всего	Млн т	589,0	623,4	676,7	721,9	787,0	816,5	840,3	820,8	835,2	841,5
	%	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: составлено авторами по данным Ассоциации морских портов России.

Корреспондирующее с геоэкономическими позициями и интересами России *повышение для нее ценности собственных южных (юго-западных) территорий* (особенно приморских) с начала 2000-х гг. было инициировано и все четче просматриваемой аграрной специализацией страны, устойчивой динамикой ее продовольственного экспорта (см. рис. 1), весомую долю в котором занимает профильная продукция южно-российского сельхозпроизводства (зерновые и подсолнечник).

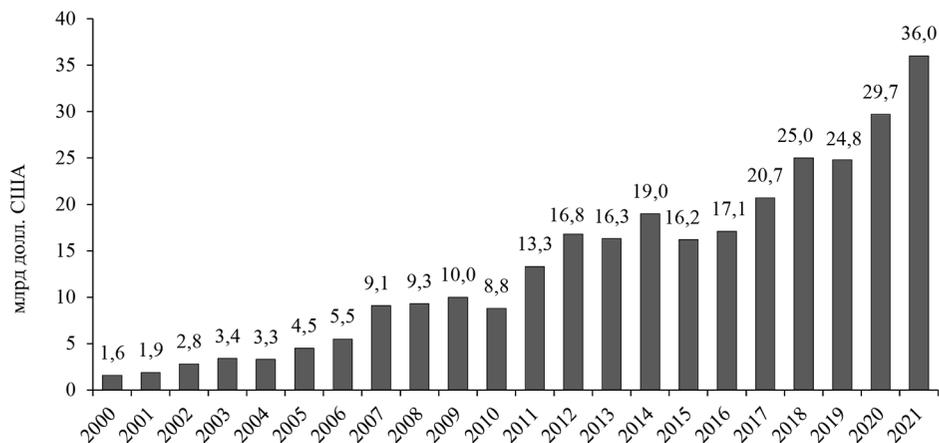

Рис. 1. Объем продовольственного экспорта Российской Федерации, млрд долл.

Источник: составлено авторами по данным Росстата.

Ориентируясь на более благоприятные агроклиматические условия и повышенную продуктивность растениеводства (а к концу XX в. урожайность зерновых в Краснодарском крае превышала таковую в Белгородской области в 1,6 раза, Тверской – в 3,7 раза), сельское хозяйство нашей страны уже к середине 2000-х гг. стало ощутимо смещаться в южные широты, прежде всего в регионы Юга России (если в 1990 г. на последние приходилось 17% всех посевных площадей зерновых страны, то в 2005 г. – уже около 22%). Весь постсоветский период стабильно (в логике воссоздающей центр-периферийные градиенты агропроизводства пространственной диффузии, когда на всех этапах лидерство удерживали Краснодарский край, а далее подтягивающиеся за ним Ростовская область и Ставропольский край) прирастала и доля южнороссийских территорий в совокупном объеме произведенной сельскохозяйственной продукции (см. табл. 3).

Т а б л и ц а 3

Доля южнороссийских регионов в суммарном объеме промышленной и сельскохозяйственной продукции России (без субъектов РФ Крыма), %

Субъекты РФ	Промышленная продукция					Сельскохозяйственная продукция				
	1990	2000	2010	2019	2021	1991	2000	2010	2019	2021
Республика Адыгея	0,17	0,06	0,07	0,08	0,08	0,31	0,29	0,45	0,44	0,44
Республика Калмыкия	0,05	0,03	0,02	0,02	0,02	0,77	0,17	0,45	0,48	0,35
Краснодарский край	2,03	1,20	1,54	1,62	1,57	4,92	6,20	7,48	7,19	7,21
Астраханская область	0,35	0,39	0,27	0,62	0,53	0,73	0,40	0,81	0,87	0,82
Волгоградская область	1,62	1,20	1,61	1,45	0,80	2,38	2,16	2,44	2,57	2,86
Ростовская область	2,35	1,20	1,50	1,53	1,52	3,46	3,60	4,41	4,92	5,29
Республика Дагестан	0,35	0,12	0,12	0,10	0,07	1,23	1,06	1,93	2,30	2,32
Республика Ингушетия	0,38	0,02	0,01	0,01	0,01	0,62	0,11	0,13	0,19	0,20
Чеченская Республика		–	0,05	0,05	0,05		–	0,44	0,56	0,58
Кабардино-Балкарская Республика	0,33	0,13	0,11	0,06	0,06	0,62	1,05	0,96	0,95	0,88
Карачаево-Черкесская Республика	0,18	0,06	0,08	0,05	0,05	0,46	0,40	0,61	0,55	0,50
РСО-Алания	0,28	0,09	0,07	0,04	0,05	0,38	0,36	0,69	0,55	0,49
Ставропольский край	1,12	0,60	0,68	0,54	0,59	2,96	2,54	3,28	3,39	3,72
Итого по 13 субъектам	9,21	5,10	6,13	5,55	5,40	18,84	18,34	24,08	24,96	25,66

Источник: составлено авторами по данным Росстата.

В итоге по статистике за 2021 г. в пятнадцати южнороссийских субъектах РФ (т.е. включая Крым) был сконцентрирован 21% всех сельскохозяйственных угодий России, 21,4% ее посевных площадей,

26,4% площадей зерновых, 26,8% подсолнечника, 46% овощей. Юг России обеспечивал при этом 40% производства всего российского зерна, 33% подсолнечника, 47% овощей, 49% плодов и ягод и 72% винодельческой продукции. Этот выраженный южный вектор в развитии аграрной экономики страны (все более ориентированной на динамично прирастающий спрос на продовольствие государств юга Евразии [9]) *сочетается со столь же масштабными геодемографическими процессами*, обуславливающими значимость Юга России как одного из основных полюсов притяжения населения страны, *и поддерживается* указанными процессами.

Смещение на Юг населения современной России: региональные и локальные особенности

Принято подмечать [26–28], что локализации населения в России присуща выраженная столицеориентированность, и во-многом это действительно так. Но параллельно на отдельных временных этапах в селитебных приоритетах *на первый план выходил и фактор юга* с его относительно более благоприятными (в т.ч. по природно-климатической комфортности [29]) условиями проживания. Именно на Юг России (а не столичный регион) пришелся и трансформационно-стрессовый пик миграции конца 1980-х – начала 1990-х гг. Так, в частности, в 1990 г. суммарное положительное сальдо миграции по всем его регионам составило 225 тыс. чел., в то время как для Москвы с Московской областью – 192 тыс. (см. табл. 4).

Т а б л и ц а 4

Миграционный прирост населения, тыс. чел.

Субъекты РФ	1990	1995	2000	2005	2010	2015	2021
Москва	158	239	237	236	186	113	22
Московская область	34	80	50	104	114	88	113
Итого по Московскому региону	192	319	287	340	300	201	135
Санкт-Петербург	12	18	17	60	77	26	24
Ленинградская область	10	21	14	25	26	12	38
Итого по Санкт-Петербургскому региону	22	39	31	85	103	38	62
Краснодарский край	53	82	31	36	23	59	41
Ростовская область	36	38	17	9	7	1	15
Ставропольский край	34	35	13	18	9	- 1	3
Республика Крым	–	–	–	–	–	1	12
Севастополь	–	–	–	–	–	55	16
Итого по миграционно привлекательным регионам Юга (юго-запада) России	123	155	61	63	37	115	87

Источник: составлено авторами по данным Росстата.

Позднесоветская миграционная привлекательность Юга России (подкрепленная связанными с разрушением СССР трансграничными потоками беженцев и вынужденных переселенцев), снижаясь всю вторую половину 1990-х гг., фактически обнулилась к 2003 г., когда незначительную аттрактивность для населения демонстрировали лишь Краснодарский и Ставропольский края. Затем, спустя десятилетие, она вновь ощутимо возросла в «посткрымском» контексте: первоначально – за счет притока россиян в г. Севастополь, в дальнейшем – переселения в регионы российского Юга наших соотечественников из сопредельных территорий Украины. В результате именно миграционно привлекательные южнороссийские регионы (по итогам 2021 г. в их число не входят Астраханская область, Дагестан, Ингушетия, Калмыкия, Северная Осетия и Чечня) с середины 2010-х гг. вновь стали вторым в стране (после Москвы и Подмосковья) ареалом притяжения населения. В целом же за постсоветский период (если оставить за рамками анализа Крым) численность населения выросла в 9 из 13 регионов Юга России (см. табл. 5). Характерно, что лишь в Краснодарском и отчасти Ставропольском крае этот рост не сопровождался ощутимым снижением в этнической структуре удельного веса русских.

Т а б л и ц а 5

**Изменение численности населения регионов Юга России
(без субъектов РФ Крыма) за межпереписной период 1989–2021 гг.**

Субъекты РФ	1989		2021		Динамика за 1989–2021	
	Число жителей, тыс. чел.	% русских	Число жителей, тыс. чел.	% русских	Тыс. чел.	1989 к 2021, раз
1	2	3	4	5	6	7
Республика Адыгея	433	68,0	496	57,9	+ 63	1,15
Республика Калмыкия	323	37,4	267	24,5	- 56	0,83
Краснодарский край	5 113	86,7	5 838	87,2	+ 725	1,14
Астраханская область	998	72,0	960	57,0	- 38	0,96
Волгоградская область	2 594	89,1	2 500	82,6	- 94	0,96
Ростовская область	4 309	89,6	4 200	85,8	- 109	0,97
Республика Дагестан	1 802	9,2	3 182	3,2	+ 1 380	1,77
Чеченская Республика	1 276	24,8	1 511	1,2	+ 745	1,58
Республика Ингушетия		13,2	510	0,6		
Кабардино-Балкарская Республика	760	32,0	904	19,3	+ 144	1,19
Карачаево-Черкесская Республика	418	42,4	470	31,4	+ 52	1,12

О к о н ч а н и е т а б л . 5

1	2	3	4	5	6	7
РСО-Алания	634	29,9	687	17,8	+ 53	1,08
Ставропольский край	2 857	84,0	2 908	82,2	+ 51	1,02
Итого по 13 субъектам РФ	21 517	69,8	24 433	62,9	2 916	1,14

Источник: составлено авторами по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. и Всероссийской переписи населения 2021 г.

Превалирующий вектор миграционных потоков, а также редкая для постсоветской России устойчивая (в 1,5–2 раза превышающая среднероссийский уровень) динамика рождаемости в северокавказских регионах, в первую очередь Дагестане, Чечне и Ингушетии, инициировали трендовое смещение российского демографического потенциала в пользу Юга.

Так, согласно данным переписей, доля 13 «докрымских» южнороссийских регионов в населении РСФСР в 1989 г. составляла 14,6% (21,5 млн чел.), в 2002 г. (уже в формате Российской Федерации) – 15,8% (22,9 млн), в 2010 г. – 16,2% (23,2 млн). За 1989–2021 гг. прирост численности населения Юга России (без Крыма) составил в итоге 2,7 млн чел. Это в 2,2 раза уступает аналогичному общему приращению населения по Москве и Московской области (5,9 млн), но при этом в 3 раза превышает суммарный показатель по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (0,9 млн). Если не принимать во внимание политико-географические изменения 2014 г., то 43% пришедшегося на Юг России прироста численности населения обеспечили Дагестан, 23% – Чечня и Ингушетия, 22% – Краснодарский край. Характерно также, что более 90% всего постсоветского демографического прироста Юга аккумулировали 30 ведущих (с числом жителей 100 тыс. и более) локализованных в макрорегионе городов. Наиболее интенсивно при этом приросло население в пределах Краснодарско-Новороссийской конурбации (на 839 тыс.) и Махачкалинской агломерации (635 тыс.). Геополитические обстоятельства южного вектора пространственного развития постсоветской России, впрочем, также оказались существенными. Причем не только для селитебной системы, но и для экономической динамики территорий, стимулируемой мерами федеральной поддержки.

***Геополитический аспект поворота на Юг:
демографо-экономические следствия в контексте мигрирующих
приоритетов федеральных вложений***

В постсоветский период Юг России оказался единственным макрорегионом страны, характеризующимся «пульсирующей миграцией» своих внешних границ с сопутствующим приращением ресурсно-экономического и демографического потенциала.

В 2000 г. в связи с завершением контртеррористической операции на Северном Кавказе в единое пространство Российской Федерации была де-факто возвращена Чеченская Республика (за последующие годы ее регистрируемое население возросло более чем на треть, а доля в суммарном российском ВРП удвоилась), ставшая приоритетным реципиентом средств федерального бюджета (см. табл. б).

Т а б л и ц а б

Доля Чеченской Республики в безвозмездных поступлениях и инвестициях в основной капитал из федерального бюджета

Годы	Объем безвозмездных поступлений, млрд руб.	% в масштабе Российской Федерации	Объем федеральных инвестиций в основной капитал, млрд руб.	% в масштабе Российской Федерации
2006	28,09	4,82	10,90	4,08
2007	58,88	9,41	11,30	2,62
2008	58,65	5,18	29,26	5,44
2009	59,15	3,98	18,69	2,70
2010	56,14	4,02	15,34	2,32
2011	69,45	4,23	17,95	2,10
2012	66,68	4,11	21,44	2,31
2013	53,29	3,52	8,63	0,85
2014	56,88	3,41	8,50	0,91
2015	60,97	3,77	12,10	1,02
2016	56,12	3,56	6,27	0,60
2017	62,09	3,65	6,96	0,70
2018	64,51	3,10	8,94	0,91
2019	78,69	3,21	20,72	1,95
2020	106,40	2,82	21,93	1,72
2021	113,66	3,09	25,83	1,93

Источник: составлено авторами по данным Федерального казначейства (отчетов по исполнению консолидированных бюджетов субъектов РФ за январь-декабрь) и Росстата (базе данных ЕМИСС).

С марта 2014 г. кластер южнороссийских регионов пополнился Республикой Крым и г. Севастополем. Эти 27 тыс. км² территории одномоментно прирастили численность российского населения к югу от 50-й параллели почти на 10%, а суммарный (по макрорегиону) ВРП – на 4,5%. Их инкорпорирование в социально-экономическое пространство Российской Федерации также обеспечивалось повышенной

федеральной бюджетной подпиткой, в 3–3,5 раза превышающей средние по России показатели межбюджетных трансфертов, а также инвестициями в основной капитал (особо существенными в масштабе страны в 2017–2018 гг. – таблица 7).

Т а б л и ц а 7

Безвозмездные поступления и инвестиции в основной капитал из федерального бюджета в Республике Крым и г. Севастополе

Субъекты РФ	Ед. изм.	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
<i>Безвозмездные поступления из федерального бюджета</i>									
Республика Крым	Млрд руб.	105,31	66,12	79,71	100,82	121,92	129,75	163,10	138,61
	% от РФ	6,31	4,09	5,05	5,92	5,85	5,29	4,32	3,77
г. Севастополь	Млрд руб.	19,45	12,82	12,35	18,46	25,56	22,05	42,89	43,50
	% от РФ	1,17	0,79	0,78	1,08	1,23	0,90	1,14	1,18
<i>Инвестиции в основной капитал из федерального бюджета</i>									
Республика Крым	Млрд руб.	2,63	4,62	16,31	81,58	125,90	94,87	84,69	44,78
	% от РФ	0,28	0,39	1,56	8,21	12,86	8,92	6,62	3,34
г. Севастополь	Млрд руб.	0,61	1,97	9,06	19,41	8,24	25,21	13,44	18,50
	% от РФ	0,06	0,17	0,86	1,95	0,84	2,37	1,05	1,38

Источник: составлено авторами по данным Федерального казначейства (отчетов по исполнению консолидированных бюджетов субъектов РФ за январь – декабрь) и Росстата (база данных ЕМИСС).

Меры приоритетной поддержки Крыма обеспечили опережающие (в сопоставлении в России в целом) темпы его социально-экономической динамики. Если в целом по Российской Федерации за 2015–2021 гг. розничный товароборот вырос в 1,43 раза, то в субъектах Крыма – в 1,52 раза; среднедушевые денежные доходы населения (также номинальные) – в 1,33 (вся Россия), 1,68 (Республика Крым) и 1,86 (Севастополь).

Проявившаяся в ситуации Крыма демографическая детерминанта регионального экономического развития в полной мере прослеживается и в остальном контуре Юга России: доля его 13 «старых» субъектов РФ в ВРП страны за 1995–2020 гг. выросла на 10%, в населении – на 8,5%

(при этом весьма показательно, что прирост доли Юга в российской экономике на 38% обеспечил Краснодарский край и на 33% Дагестан). Сама экономика российского Юга в целом сохраняет при этом высокую степень зависимости от межбюджетных трансфертов и внешних рынков труда. Практически не преодолены в ней и последствия постсоветской деиндустриализации, а в сельской местности отчасти сохраняются проявления хозяйственной архаики (объем сельхозпродукции на 1 занятого в Дагестане почти трехкратно уступает Краснодарскому краю, в Чечне – в 6,5 раза!) и, соответственно, латентного аграрного перенаселения.

Непоследовательность, фрагментарность и неустойчивость поворота российской экономики на Юг обусловлена и ситуацией в инвестиционной сфере (см. рис. 2). Поступательная динамика предопределялась здесь либо непосредственно федеральными ассигнованиями, либо эффектами реализуемых (в т.ч. в геостратегических интересах) мегапроектов, наподобие Крымского моста и в еще большей мере комплекса мероприятий по проведению Зимних Олимпийских игр в г. Сочи, позволивших Краснодарскому краю на шестилетний период резко (в 1,7–1,8 раза) нарастить инвестиции в основной капитал (в 2010–2013 гг. край по этому показателю уступал лишь непосредственно самой Москве).

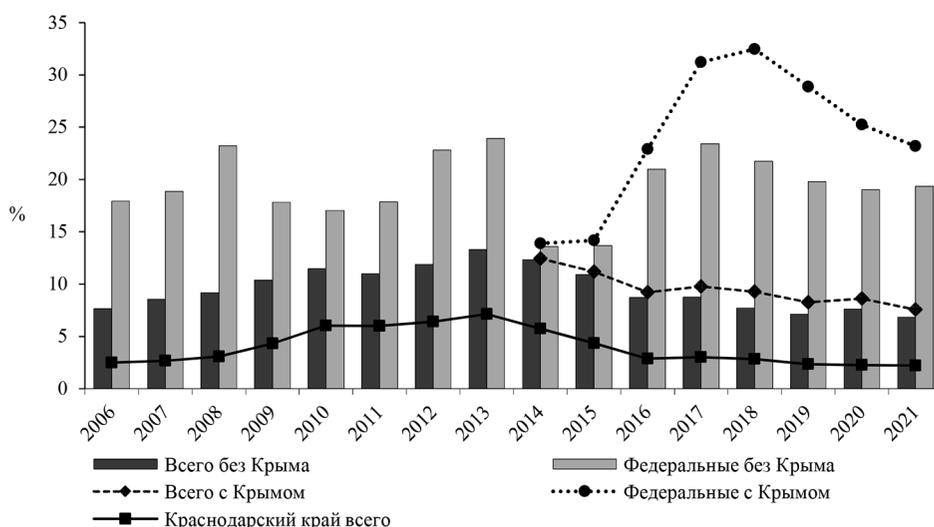

Рис. 2. Удельный вес южнороссийских регионов в инвестициях в основной капитал – всего и за счет средств федерального бюджета, %

Источник: составлено авторами по данным Росстата.

С осени 2022 г. в положении привилегированного бенефициара южного вектора федеральной поддержки оказываются ДНР, ЛНР, Запорожская и Херсонская области. Существенный износ инфраструктуры на этих территориях [30], вызванное военными действиями ее фактическое разрушение, а также повышенная (особенно в ДНР и ЛНР)

доля в населении лиц, нуждающихся в пенсионном обеспечении (согласно данным Укрстата за 2021 г., в этих четырех регионах в возрасте старше 60 лет и более – около 2,4 млн чел.³) – объективным образом *инициирует перефокусировку российских бюджетных приоритетов.*

Южный вектор федеральной поддержки в итоге еще явственнее будет демонстрировать не только свою множественную региональную распределенность (с фактической ориентацией и на полюсы развития, и на ареалы демографического роста, и на территории с особым геополитическим статусом), но и подобие эстафеты (от северокавказских регионов и Краснодарского края к Крымскому полуострову и, далее, четырем новым субъектам РФ). Роль федеральной составляющей в пространственном развитии российского Юга будет при этом *в среднесрочной перспективе только возрастать.*

***Юг России в федеральной пространственной политике:
единое целое или два-три макрорегиона?***

Отсутствие *целостного видения Юга России*, южного вектора социально-экономического развития страны проявляется не только в рамках распределения федеральных инвестиций в основной капитал по южнороссийским регионам, но и в федеральной пространственной политике в целом. О некотором единстве федеральной политики в отношении Юга России можно было говорить, пока существовал единый Южный федеральный округ из 13 субъектов Федерации (до выделения из ЮФО Северо-Кавказского ФО), была принята уже называвшаяся федеральная целевая программа «Юг России». С созданием сначала Северо-Кавказского ФО (в 2010 г.), а потом в 2014 г. и отдельного федерального министерства – по делам Северного Кавказа (просуществовавшего до начала 2020 г.) Северный Кавказ со всей очевидностью превратился в самостоятельный объект федеральной региональной политики.

С присоединением к России Республики Крым и г. Севастополя Крым также стал самостоятельным объектом федеральной политики. До середины 2016 г. существовал Крымский федеральный округ, до середины 2015 г. – Министерство Российской Федерации по делам Крыма. Включение регионов Крыма в Южный ФО означало скорее завершение основной части мероприятий по включению Крыма в общероссийское правовое поле, нежели реальную утрату его регионами своего особого положения.

Сложившаяся ситуация была закреплена в Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г. В представленном в ней перечне приоритетных геостратегических территорий России названы Республика Крым и г. Севастополь (как субъекты РФ, характеризующиеся эксклавым положением) и субъекты РФ

³ Статистичний збірник «Регіони України». 2020. Частина I. – Київ: Державна служба статистики України, 2021. 276 с.

Северного Кавказа. Остальные (помимо Крыма) регионы Южного ФО к приоритетным геостратегическим не относятся, хотя Астраханская, Волгоградская, Ростовская области и Краснодарский край вошли в перечень приграничных геостратегических территорий. Реально значимое федеральное внимание уделяется именно приоритетным геостратегическим территориям⁴. Для обеспечения их социально-экономического развития созданы специальные правительственные комиссии⁵, разработаны и реализуются отдельные государственные программы (в рамках направления «Сбалансированное региональное развитие»), предусматриваются особые преференциальные режимы ведения хозяйственной деятельности, например, Свободная экономическая зона в Крыму⁶. Северный Кавказ, правда, является *исключением из этого правила* — для него специальный режим поддержки инвесторов разработан не был, но зато в каждом субъекте Федерации есть особые экономические зоны, созданные в соответствии с общим для всех субъектов РФ федеральным законом⁷.

Нельзя сказать, что другим, не приоритетным, геостратегическим регионам Юга России федеральные власти вообще не уделяют внимания. В той же Стратегии пространственного развития Российской Федерации неоднократно упоминается международный транспортный коридор «Север — Юг», значимый для социально-экономического развития южнороссийских регионов. В Астраханской области создан Каспийский кластер из двух особых экономических зон — портовой и промышленно-производственной⁸. По Адыгее и Калмыкии как двум самым проблемным субъектам Южного ФО утверждены индивидуальные программы их социально-экономического развития на период до 2024 г.⁹ Созданы территории опережающего развития в моногородах Ростовской области (Гуково, Зверево, Донецк) и Волгоградской (Михайловка) [31]. Но это опять-таки набор разноплановых, фрагментарных решений. Стратегия социально-экономического развития Южного федерального округа (а на сегодняшний день в России де-факто сохраняется практика разработки стратегий именно по федеральным округам) была утверждена на период до 2020 г. еще в 2011 г., после чего пересматривалась только

⁴ В таковые входят еще Калининградская область, Дальний Восток и Арктическая зона Российской Федерации.

⁵ Для южнороссийских регионов — Правительственная комиссия по вопросам социально-экономического развития Республики Крым и г. Севастополя и Правительственная комиссия по вопросам социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа.

⁶ Федеральный закон от 29 ноября 2014 г. № 377-ФЗ «О развитии Республики Крым и города федерального значения Севастополя и Свободной экономической зоне на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя».

⁷ Федеральный закон от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации». Подробнее см. [31].

⁸ Постановление Правительства Российской Федерации от 7 ноября 2020 г. № 1792 «О создании на территории Астраханской области портовой особой экономической зоны и Каспийского кластера».

⁹ Распоряжениям Правительства Российской Федерации от 16 апреля 2020 г. № 1043-р по Адыгее и от 12 апреля 2020 г. № 992-р по Калмыкии.

в 2014 г.¹⁰ и на сегодняшний день очевидно *утратила актуальность* (да и в момент появления вызывала немало нареканий). С Северным Кавказом *ситуация лучше* – новая стратегия развития СКФО появилась около года назад¹¹.

Не отрицая необходимость решения специфичных проблем Северного Кавказа, Крыма, новых (вошедших в состав России в 2022 г.) субъектов Федерации (которые пока не включены ни в один из федеральных округов), важно, на наш взгляд, разрабатывать единую стратегию развития Юга России, увязывая воедино все вопросы, имеющие отношение к определению роли этой территории в экономике страны и ее внешним связям в современных геополитических и геоэкономических условиях.

* * *

Положение южнороссийских территорий в постсоветском контексте двояко и противоречиво. С одной стороны, первоначально, в силу геостратегических ориентиров, а также преобладающих центростремительных процессов они оказались в незавидном положении «заднего двора» огромной страны со всем шлейфом сопутствующих проблемных ситуаций и обстоятельств. Этот «двор» отчасти прирастал населением, видоизменял свой этнодемографический облик, становясь все более разнородным, фрагментированным. С другой стороны (по сути, а не в декларациях), поэтапно расширяющий свое пространство российский Юг являл миграционную привлекательность, наращивал транзитно-коммуникационную значимость, экспортные возможности, внутренний потребительский потенциал, выступая также приоритетным бенефициаром федерального регулирования. Все это позволяет идентифицировать в пространственном развитии Российской Федерации выраженный южный вектор, чьи масштаб и перспективы напрямую корреспондируют ныне не только с геополитическими трендами, но и с макроэкономической динамикой.

Список литературы

1. Пространство современной России: возможности и барьеры развития (размышления географов-обществоведов) / отв. ред. А.Г. Дружинин, В.А. Колосов, В.Е. Шувалов. М.: Вузовская книга, 2012. 336 с.
2. Минакир П.А. Ожидания и реалии политики «поворота на восток» // Экономика региона. 2017. Т. 13. Вып. 4. С. 1016–1029.
3. Лексин В.Н. Региональная политика России и ее «восточный вектор» // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2014. Т. 7. № 4. С. 33–48.

¹⁰ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 5 сентября 2011 г. № 1538-р (ред. от 26 декабря 2014 г.) «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Южного федерального округа до 2020 года».

¹¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 30 апреля 2022 г. № 1089-р «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа на период до 2030 года».

4. Кузнецова О.В. «Восточный вектор» инвестиционных связей России // *Мировая экономика и международные отношения*. 2018. Т. 62. № 2. С. 47–56.
5. Рыбаковский Л.Л., Кожевникова Н.И. Восточный вектор демографического развития России // *Народонаселение*. 2015. № 1. С. 4–16.
6. Энергетический вектор восточной геополитики России: Выбор путей транспортировки нефти на Дальний Восток, в Китай и страны Азиатско-Тихоокеанского региона / В.И. Якунин, Б.Н. Порфирьев, А.А. Арбатов и др. М.: Экономика, 2006. 136 с.
7. Лажнецов В.Н. Социально-экономическое пространство и территориальное развитие Севера и Арктики // *Экономика региона*. 2018. Т. 14. № 2. С. 353–365.
8. Большая Европа: идеи, реальность, перспективы / отв. ред. А.А. Громыко, В.П. Федоров. М.: Институт Европы Российской академии наук, 2014. 704 с.
9. Дружинин А.Г. Идеи классического евразийства и современность: общественно-географический анализ. Ростов н/Д.: Изд-во Южного федерального университета, 2021. 270 с.
10. Мартынов В.Л. «Четыре стороны России»: основные тенденции макро-регионального развития // *Псковский регионологический журнал*. 2018. № 4. С. 3–19.
11. Кулешов В.В., Селивестров В.Е. Роль Сибири в пространственном развитии России и ее позиционирование в Стратегии пространственного развития РФ // *Регион: экономика и социология*. 2017. № 4 (96). С. 3–24.
12. Маруев А.Ю., Карпенко А.О. Военно-политические аспекты формирования интересов России на южном геополитическом векторе // *Военная мысль*. 2009. № 11. С. 9–16.
13. Тренин Д.В. Южный вектор // *Россия и мусульманский мир*. 2005. № 9. С. 30–39.
14. Томберг И.Р. Южный вектор российской газовой геополитики // *Восточная аналитика*. 2011. № 2. С. 100–105.
15. Дружинин А.Г. «Южный вектор» геостратегии Российской Федерации в современном глобальном и евразийском контексте: системные факторы актуализации // *Научная мысль Кавказа*. 2022. № 1. С. 5–16.
16. Дружинин А.Г. Российский Юг: подходы и критерии делимитации // *Ученые записки Крымского федерального университета. География. Геология*. 2022. № 2. С. 3–13.
17. Яковлев П.П. Глобальный Юг: концептуальные подходы и социально-экономические процессы // *Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2021. Т. 14. № 2. С. 6–27.
18. Вальская Б.А. Обзор опытов районирования России с конца XVIII в. по 1861 г. // *История географических знаний. Вопросы географии*. Сб. 17. М.: Государственное издательство географической литературы, 1950. С. 139–201.
19. Дружинин А.Г. Юг России: понятийно-терминологическая концепция и территориальные реалии // *Научная мысль Кавказа*. 1999. № 3. С. 43–49.
20. Матишов Г.Г., Батиев Л.В., Пащенко И.В. Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России. Том IV. Причины и обстоятельства роста напряженности, поиск путей стабилизации на Северном Кавказе. Ростов н/Д.: Южный научный центр РАН, 2009. 120 с.
21. Суший С.Я. Северный Кавказ: реалии, проблемы, перспективы первой трети XXI века. М.: Ленанд, 2013. 432 с.
22. Дружинин А.Г. Юг России конца XX – начала XXI вв. (экономико-географические аспекты). Ростов н/Д.: Изд-во РГУ, 2005. 283 с.

23. Кузнецова О.В. Экономическое развитие регионов: теоретические и практические аспекты государственного регулирования. М.: УРСС, 2002. 304 с.
24. Валентей С.Д. Российские реформы и российский федерализм // Федерализм. 1996. № 1. С. 23–36.
25. Лексин, В.Н., Швецов А.Н. Общероссийские реформы и территориальное развитие. Статья вторая. Реформы и целостность государства. Проблемы территориальной дифференциации и дезинтеграции // Российский экономический журнал. 1999. № 11-12. С. 36–44.
26. Кузнецова О.В. Москва как объект федеральной региональной политики // Научные труды. Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2016. № 1. С. 606–621.
27. Махрова А.Г., Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Московская агломерация и «Новая Москва» // Pro et contra. 2012. № 6 (57). С. 19–32.
28. Вендина О.И. Мигранты в российских городах // Отечественные записки. 2012. № 3 (48). С. 216–229.
29. Виноградова В.В. Изменение природно-климатической дискомфортности в XX–XXI вв. на территории России // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2018. № 3. С. 30–39.
30. Половян А.В., Лепя Р.Н., Гриневская С.Н. Экономика территорий с вновь образованной государственностью – Донецкая Народная Республика // Проблемы прогнозирования. 2018. № 1 (166). С. 99–107.
31. Кузнецова О.В. География особых экономических зон и их аналогов в России // Региональные исследования. 2020. № 4. С. 19–31.

References

1. Prostranstvo sovremennoi Rossii: vozmozhnosti i bar'ery razvitiia (razmyshleniia geografov-obshchestvovedov) [The Space of Modern Russia: Opportunities and Barriers of Development (Reflections of Human Geographers)], edited by A.G. Druzhinin, V.A. Kolosov, V.E. Shuvalov. Moscow, «Vuzovskaia kniga», 2012, 336 p. (In Russ.).
2. Minakir P.A. Ozhidaniia i realii politiki “povorota na vostok” [Expectations and Realities of the Policy of “Turn to the East”], *Ekonomika regiona* [Economy of Region], 2017, Vol. 13, Iss. 4, pp. 1016–1029. (In Russ.).
3. Leksin V.N. Regional'naia politika Rossii i ee “vostochnyi vector” [Russian Regional Policy and its “Eastern Vector”], *Problemy analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie* [Problem Analysis and State-Management Design], 2014, Vol. 7, No. 4, pp. 33–48. (In Russ.).
4. Kuznetsova O.V. “Vostochnyi vector” investitsionnykh svyazei Rossii [“Eastern Vector” of Russian Investment Relation], *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia* [World Economy and International Relations], 2018, Vol. 62, No. 2, pp. 47–56. (In Russ.).
5. Rybakovskii L.L., Kozhevnikova N.I. Vostochnyi vektor demograficheskogo razvitiia Rossii [Eastward Vector of the Demographic Development of Russia], *Narodonaselenie* [Population], 2015, No. 1, pp. 4–16. (In Russ.).
6. Energeticheskii vektor vostochnoi geopolitiki Rossii: Vybor putei transportirovki nefti na Dal'nii Vostok, v Kitai i strany Aziatsko-Tikhookeanskogo regiona [The Energy Vector of Russia's Eastern Geopolitics: The Choice of Ways to Transport Oil to the Far East, China and the Countries of the Asia-Pacific Region], V.I. Iakunin, B.N. Porfir'ev, A.A. Arbatov et al. Moscow, *Ekonomika*, 2006, 136 p. (In Russ.).

7. Lazhentsev V.N. Sotsial'no-ekonomicheskoe prostranstvo i territorial'noe razvitiie Severa i Arktiki [Socio-Economic Space and Territorial Development of the North and the Arctic of Russia], *Ekonomika regiona* [Economy of Region], 2018, Vol. 14, No. 2, pp. 353–365. (In Russ.).

8. Bol'shaia Evropa: idei, real'nost', perspektivy [Greater Europe: ideas, reality, prospect], edition by Gromyko A.A., Fedorov V.P. Moscow, Institut Evropy Rossiiskoi akademii nauk, 2014, 704 p. (In Russ.).

9. Druzhinin A.G. Idei klassicheskogo evraziizstva i sovremennost': obshchestvenno-geograficheskii analiz [Ideas of Classical Eurasianism and Modernity: Socio-Geographical Analysis]. Rostov-on-Don, Izdatel'stvo Iuzhnogo federal'nogo universiteta, 2021, 270 p. (In Russ.).

10. Martynov V.L. "Chetyre storony Rossii": osnovnye tendentsii makroregional'nogo razvitiia ["Four Corners of Russia": Main Tendencies of Macroregional Development], *Pskovskii regionologicheskii zhurnal* [Pskov Regionological Journal], 2018, No. 4, pp. 3–19. (In Russ.).

11. Kuleshov V.V., Selivestrov V.E. Rol' Sibiri v prostranstvennom razvitiie Rossii i ee pozitsionirovanie v Strategii prostranstvennogo razvitiia RF [Siberia's Role in the Spatial Development of Russia and its Positioning in the Russian Federation Spatial Development Strategy], *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 2017, No. 4 (96), pp. 3–24. (In Russ.).

12. Maruev A.Iu., Karpenko A.O. Voенно-politicheskie aspekty formirovaniia interesov Rossii na iuzhnom geopoliticheskom vektore [Military-Political Aspects of the Formation of Russia's Interests in the Southern Geopolitical Vector], *Voennaia mysl'* [Military Thought], 2009, No. 11, pp. 9–16. (In Russ.).

13. Trenin D.V. Iuzhnyi vektor [Southern Vector], *Rossii i musul'manskii mir* [Russia and the Muslim World], 2005, No. 9, pp. 30–39. (In Russ.).

14. Tomberg I.R. Iuzhnyi vektor rossiiskoi gazovoi geopolitiki [The Southern Vector of Russian Gas Geopolitics], *Vostochnaia analitika* [Eastern Analytics], 2011, No. 2, pp. 100–105. (In Russ.).

15. Druzhinin A.G. "Iuzhnyi vektor" geostrategii Rossiiskoi Federatsii v sovremennom global'nom i evraziiskom kontekste: sistemnye faktory aktualizatsii [The "Southern Vector" of the Geostrategy of the Russian Federation in the Modern Global and Eurasian Context: Systemic Factors of Actualization], *Nauchnaia mysl' Kavkaza* [Scientific Thought of the Caucasus], 2022, No. 1, pp. 5–16. (In Russ.).

16. Druzhinin A.G. Rossiiskii Iug: podkhody i kriterii delimitatsii [The Russian South: Approaches and Criteria of Delimitation], *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta. Geografiia. Geologiya* [Scientific Notes Crimean Federal University. Geography. Geology], 2022, No. 2, pp. 3–13. (In Russ.).

17. Iakovlev P.P. Global'nyi Iug: kontseptual'nye podkhody i sotsial'no-ekonomicheskie protsessy [Global South: Conceptual Approaches and Socio-Economic Processes], *Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo* [Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law], 2021, Vol. 14, No. 2, pp. 6–27. (In Russ.).

18. Val'skaia B.A. Obzor opytov raionirovaniia Rossii s kontsa XVIII v. po 1861 g. [Review of the Experiences of Zoning of Russia from the End of the XVIII Century to 1861], *Istoriia geograficheskikh znani. Voprosy geografii. Sbornik 17* [History of geographical knowledge. Questions of geography. Collection 17], Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo geograficheskoi literatury, 1950, pp. 139–201. (In Russ.).

19. Druzhinin A.G. Iug Rossii: poniatiino-terminologicheskaiia kontseptsiiia i territorial'nye realii [The South of Russia: Conceptual and Terminological Concept and Territorial Realities], *Nauchnaia mysl' Kavkaza* [Scientific thought of the Caucasus], 1999, No. 3, pp. 43–49. (In Russ.).

20. Matishov G.G., Batiev L.V., Pashchenko I.V. Atlas sotsial'no-politicheskikh problem, ugroz i riskov Iuga Rossii. Tom IV. Prichiny i obstoiatel'stva rosta napriazhennosti, poisk putei stabilizatsii na Severnom Kavkaze [Atlas of Socio-Political Problems, Threats and Risks of the South of Russia. Vol. IV. Causes and Circumstances of the Growth of Tension, the Search for Ways to Stabilize the North Caucasus]. Rostov-on-Don, Iuzhnyi nauchnyi tsentr RAN, 2009, 120 p. (In Russ.).

21. Sushii S.Ia. Severnyi Kavkaz: realii, problemy, perspektivy pervoi treti XXI veka [North Caucasus: Realities, Problems, Prospects of the First Third of the XXI Century]. Moscow, Lenand, 2013, 432 p. (In Russ.).

22. Druzhinin A.G. Iug Rossii kontsa XX – nachala XXI vv. (ekonomiko-geograficheskie aspekty) [The South of Russia of the Late XX – Early XXI Centuries. (Economic and Geographical Aspects)]. Rostov-on-Don: Publishing House of the Russian State University, 2005, 283 p. (In Russ.).

23. Kuznetsova O.V. Ekonomicheskoe razvitie regionov: teoreticheskie i prakticheskie aspekty gosudarstvennogo regulirovaniia [Economic Development of Regions: Theoretical and Practical Aspects of State Regulation]. Moscow, URSS, 2002, 304 p. (In Russ.).

24. Valentei S.D. Rossiiskie reformy i rossiiskii federalizm [Russian Reforms and Russian Federalism], *Federalizm* [Federalism], 1996, No. 1, pp. 23–36. (In Russ.).

25. Leksin, V.N., Shvetsov A.N. Obscherossiiskie reformy i territorial'noe razvitie. Stat'ia vtoraiia. Reformy i tselostnost' gosudarstva. Problemy territorial'noi differentsiatsii i dezintegratsii [All-Russian Reforms and Territorial Development. Article 2. Reforms and the Integrity of the State. Problems of Territorial Differentiation and Disintegration], *Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal* [Russian Economic Journal], 1999, No. 11-12, pp. 36–44. (In Russ.).

26. Kuznetsova O.V. Moskva kak ob"ekt federal'noi regional'noi politiki [Moscow as the Federal Regional Policy Object], *Nauchnye trudy. Institut narodnokhoziaistvennogo prognozirovaniia RAN* [Scientific Works. Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences], 2016, No. 1, pp. 606–621. (In Russ.).

27. Makhrova A.G., Nefedova T.G., Treivish A.I. Moskovskaia aglomeratsiia i "Novaia Moskva" [Moscow Agglomeration and "New Moscow"], *Pro et contra* [Pro et contra], 2012, No. 6 (57), pp. 19–32. (In Russ.).

28. Vendina O.I. Migranty v rossiiskikh gorodakh [Migrants in Russian Cities], *Otechestvennye zapiski* [Domestic Notes], 2012, No. 3 (48), pp. 216–229. (In Russ.).

29. Vinogradova V.V. Izmenenie prirodno-klimaticheskoi diskomfortnosti v XX–XXI vv. na territorii Rossii [Changes in Natural and Climatic Discomfort in the XX–XXI Centuries. on the Territory of Russia], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriia 5. Geografiia* [Bulletin of Moscow University. Series 5. Geography], 2018, No. 3, pp. 30–39. (In Russ.).

30. Polovian A.V., Lepa R.N., Grinevskaia S.N. Ekonomika territorii s vnov' obrazovannoi gosudarstvennost'iu – Donetskaia Narodnaia Respublika [The Economy of Territories Reformed into Statehood: The Donetsk People's Republic], *Problemy prognozirovaniia* [Studies on Russian Economic Development], 2018, No. 1 (166), pp. 99–107. (In Russ.).

31. Kuznetsova O.V. Geografiia osobykh ekonomicheskikh zon i ikh analogov v Rossii [Geography of Special Economic Zones and their Analogues in Russia], *Regional'nye issledovaniia* [Regional Research], 2020, No. 4, pp. 19–31. (In Russ.).

THE SOUTHERN VECTOR IN THE SPATIAL DEVELOPMENT
OF POST-SOVIET RUSSIA: THE MAIN FACTORS
AND MANIFESTATIONS

Modern geopolitical and geo-economic processes are accompanied by a radical transformation of the determinants and trends of the spatial organization of Russian society, initiating a revision of the previously established system of regional balances and priorities, sometimes interpreted and discussed as geographically oriented (in the logic of the rhumb approach) vectors of the country's development. The article is devoted to the southern vector, its dynamics, as well as multidimensional factors and manifestation characteristic of the post-Soviet period. The geopolitical (including ethno-political) and foreign economic (transport, logistics and agro-industrial) prerequisites for the growing importance of the territories of its south (South of Russia) for the Russian Federation are identified. The scale is revealed and the specific territorial effects (and problems) of the trend shift of demographic and partly economic potential in favor of the southern regions of the country (in fact, three dozen of the largest southern Russian cities and agglomerations formed on their basis) are evaluated. The steadily continuing importance of the southern vector in the system of federal regulation is emphasized (with a relay race of focused priorities: the Chechen Republic – Krasnodar Krai – the subjects of the Crimea – the new regions of the Russian Federation).

Keywords: spatial development, southern vector, geopolitics, geo-economics, demographic processes, South of Russia, federal spatial policy.

JEL: J11, R12, R53, R58

Дата поступления – 25.04.2023 г.

ДРУЖИНИН Александр Георгиевич

доктор географических наук, профессор, директор;
Северо-Кавказский научно-исследовательский институт экономических и социальных проблем Южного федерального университета / ул. Большая Садовая, д. 105/42, г. Ростов-на-Дону, 344006;
главный научный сотрудник;
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт народнохозяйственного прогнозирования Российской академии наук / Нахимовский пр-т, д. 47, г. Москва, 117418.
e-mail: alexdru9@mail.ru

КУЗНЕЦОВА Ольга Владимировна

доктор экономических наук, профессор, профессор РАН, главный научный сотрудник;
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт народнохозяйственного прогнозирования Российской академии наук / Нахимовский пр-т, д. 47, г. Москва, 117418.
e-mail: kouznetsova_olga@mail.ru

DRUZHININ Alexander G.

Dr. Sc. (Geography), Professor, Director;
North Caucasus Institute for Economic and Social Research of Southern Federal University / 105/42, Bolshaya Sadovaya Str., Rostov-on-Don, 344006;
Chief Researcher;

Institute for Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences / 47,
Nakhimovsky Av., Moscow, 117418.

e-mail: alexdru9@mail.ru

KUZNETSOVA Olga V.

Dr. Sc. (Econ.), Professor, RAS Professor, Chief Researcher;

Institute for Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences / 47,
Nakhimovsky Av., Moscow, 117418.

e-mail: kouznetsova_olga@mail.ru

Для цитирования:

Дружинин А.Г., Кузнецова О.В. Южный вектор в пространственном развитии постсоветской России // Федерализм. 2023. Т. 28. № 2 (110). С. 5–26. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2023-2-5-26>